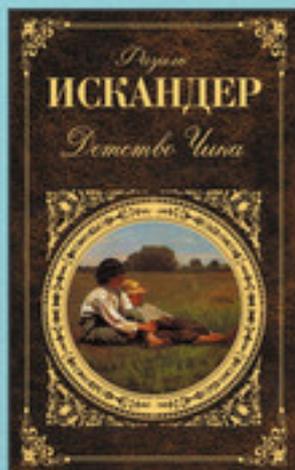

Фазиль Абдулович Искандер

Подвиг Чика

*Часть сборника
Детство Чика*

Рассказы о Чике

Фазиль Искандер

Подвиг Чика

«ЭКСМО»

Искандер Ф. А.

Подвиг Чика / Ф. А. Искандер — «Эксмо», — (Рассказы о Чике)

«...Чик шел из школы, весело помахивая портфелем, и ни о чем не думал. И вдруг увидел! Напротив греческой церкви в десяти шагах от Чика стояла колымага собаколова. Хозяин колымаги, грузный мужчина в брезентовой робе, с лицом красным, как шматок сырого мяса, держа в руке огромный сачок, подкрадывался к собаке. Он кинул ей кусок хлеба. Собака сначала недоверчиво понюхала подачку, потом осторожно взяла ее в рот и стала есть, уже благодарно поглядывая на собаколова и помахивая хвостом. О доверчивость мира!...»

Фазиль Искандер

Подвиг Чика

Чик шел из школы, весело помахивая портфелем, и ни о чем не думал. И вдруг увидел! Напротив греческой церкви в десяти шагах от Чика стояла колымага собаколова. Хозяин колымаги, грузный мужчина в брезентовой робе, с лицом красным, как шматок сырого мяса, держа в руке огромный сачок, подкрадывался к собаке. Он кинул ей кусок хлеба. Собака сначала недоверчиво понюхала подачку, потом осторожно взяла ее в рот и стала есть, уже благодарно поглядывая на собаколова и помахивая хвостом. О доверчивость мира!

Собаколов сделал несколько шагов в сторону собаки, но теперь она уже съела хлеб и, насторожившись, опасливо покосилась на сачок, который слегка развевался на древке в его вытянутой руке.

Собака замерла. Собаколов, продолжая неподвижно держать над собой сачок, свободной рукой полез в карман и слегка завозился там. Потом из кармана высунулся кусок хлеба, он его на ходу располовинил, прижав карман к телу («Еще других собак приманивать!» – мелькнуло у Чика), вытащил руку и кинул подачку.

Теперь хлеб упал на таком расстоянии, что до собаки можно было достать сачком. Чик с ужасом ожидал того, что должно случиться, и в то же время, удивляясь и стыдясь себя, чувствовал, что ему хочется, чтобы у собаколова все получилось.

На самом деле, но он этого не осознавал, в нем уже окончательно вызрело решение бороться с этим негодяем, и душа его жаждала доказательной наглядности творимого зла.

Собака сделала несколько осторожных шагов, подобрала хлеб, снова взглянула на дрябло покачивающийся в воздухе треугольник сачка и стала есть хлеб, поглядывая на собаколова и как бы в такт жуящим челюстям радуясь хвостом.

В следующий миг мешок сачка перевернулся в воздухе и, с хищной телесностью раздувшись на лету, прихлопнул собаку. Раздался раздражающий душу плач собаки. Собаколов быстро перебрал руками поближе к сачку, мерзко гребанув сачком по земле, перевернул и поднял в воздухе сачок с кричащей и барахтающейся собакой внутри.

Он быстрыми шагами подошел к дверце колымаги, расположенной сзади, открыл ее, вдвинул туда мешок сачка, тряхнув, вывалил собаку, а в клетке сразу же заматались и завыли другие собаки.

Собаколов вытащил свой сачок и прихлопнул дверцу. Он прислонил сачок к своей колымаге, просунул дужку замка, висевшую на дверном кольце, во второе кольцо, крутанул торчащий из замка ключ, подергал замок и, убедившись, что он заперт, бросил ключ в карман. Словно возбужденный удачливой охотой, подрагивая крупным телом, он обошел колымагу, взгромоздился на передок и погнал свою клячу.

Чик молча глядел вслед. Мешковина сачка колыхалась над колымагой, как грязное знамя грязного дела. Чик всегда ненавидел собаколова, но теперь он понял, что пришел его час. Теперь или никогда! Надо во что бы то ни стало освободить собак, а там будь что будет! Сколько можно мечтать о подвиге и ничего не делать?! Так может и вся жизнь пройти!

Весь этот день Чик был рассеян и как бы сам не свой. Он вяло поиграл в футбол во дворе грузинской школы. Команда Чика проигрывала, но его это почему-то не трогало. Во время игры он оказался один на один с врагом противника и, сам не зная почему, послал мяч ему прямо в руки.

Потом в том же школьном дворе он вяло поиграл с Анести в деньги. Они играли возле кучи наваленных дров, и вдруг пятнадцатикопеечная монета Чика вкатилась туда. Чик отказался ее достать, сказав при этом фразу, которая дерзостной роскошью на долгие годы запомнилась ребятам:

– Охота была из-за пятнадцати копеек в дровах ковыряться!

Потом он проиграл Анести тридцать копеек и вдруг, махнув рукой, сам перестал играть, хотя деньги еще были и он мог отыграть.

– Что случилось, Чик? – удивился Анести.

– Настроение кехо (нету), – ответил Чик на полугреческом.

Он чувствовал, что в голове его тихо звенит, а в груди что-то теплеет, теплеет. Он не понимал, что это вдохновение. Давний замысел наказать собаколова и отпустить на волю пойманных собак подступил и требовал немедленного воплощения. И от этого позванивало в голове и что-то теплело в груди. Он думал.

Перед глазами Чика то и дело всплывала дверца колымаги – железная сетка на деревянной раме. На раме большой замок. Как его открыть незаметно для живодера? Да еще на ходу?!

Достать связку ключей и наугад пробовать их? Вдруг какой-то подойдет? Нет, на ходу невозможно открыть замок, даже если бы удалось найти подходящий ключ!

Эх, если бы железным молотком так садануть по замку, чтобы он разлетелся! Но Чик знал – нету у него в руках такой силы, пока нету!

А что, если использовать одну из бабушкиных палок? У бабушки было несколько палок. Одна из них была очень крепкая. Из какого-то горного дерева. Если ее сунуть в дужку замка и концом палки сбоку опереться в заднюю стенку, а другой конец изо всех сил потянуть от себя, получится мощный рычаг, и замок отлетит. Но Чик вдумался в этот план и отбросил его. На ходу использовать рычаг невозможно. Точка опоры все время будет уходить вперед.

Наконец он вот что придумал. Надо достать длинную веревку, привязать к ее концу крепкий железный крюк, а на другом конце сделать петлю. Когда колымага собаколова будет проезжать по такой улице, где есть штакетник, надо подбежать к нему, закинуть за планку петлю, догнать колымагу и сунуть крюк в дужку замка.

Собаколов будет продолжать ехать, веревка натянется, и замок сорвется. Конечно, если замок на кольцах держится очень крепко, веревка может лопнуть. Но Чик заметил, что дверца собаколова была довольно ветхая. Одно из колец, на которых держался замок, должно было выскочить. А то и оба сразу!

Чик внимательно оглядел все бельевые веревки, висящие во дворе, чтобы ночью срезать наиболее подходящую. Но все веревки оказались слишком старые, измочаленные дождями и мокрым бельем. Тогда Чик в голову пришла такая мысль. Надо срезать одну из этих никудышных веревок, тогда хозяева купят и протянут новую. И тут Чик срежет новую веревку, а старую снова привесит.

Выбор Чика пал на веревку Богатого Портного. Уж кому-кому, а ему купить новую веревку – раз плюнуть. Но ведь прежде чем идти на операцию по освобождению собак, Чик должен как следует потренироваться с веревкой. Тренироваться можно только в глубине сада. Больше нигде. Но здесь, конечно, кто-нибудь мог увидеть его, узнать новую веревку Богатого Портного и передать ему об этом. Как быть? Очень просто! Надо перекрасить эту веревку, высушить, а потом начать тренировку.

У тетушки в уборной на втором этаже стояло ведро с красной краской. Однажды, когда бабушка была в деревне, Чик вынес ведро на лестничную площадку и, окуная в него старую сапожную щетку, вывел на стене дома большую красивую надпись «Рот фронт».

Это был знак братства с испанскими республиканцами. Но через месяц из деревни приехала бабушка, разгневалась на эту надпись и велела сумасшедшему дядюшке Чика стереть ее керосиновой тряпкой. Нет, она не испытывала никаких тайных симпатий к генералу Франко. Чик такая глупость даже в голову не приходила. Просто бабушка была неграмотной деревенской старухой и не имела понятия ни об испанцах, ни о гражданской войне в Испании. Дядюшка Чика тем более.

Дядюшка усердно стирал керосиновой тряпкой надпись Чика, а бабушка с верхней лестничной площадки властно показывала ему концом палки, какие места надо еще дотереть. Чик стоял и смотрел, как исчезают волнующие его слова.

– Бумага, бумага, бумага, – залопотал вдруг дядя и весело обернулся на Чика.

Он бросил тряпку, сжал в пальцах невидимую ручку, окунул ее в невидимую чернильницу и стал писать по воздуху на невидимой бумаге. Потом он громко рассмеялся и кивнул на стену, показывая, что Чик окончательно спятил и, вместо того чтобы писать на бумаге, измазал краской дом. Дядя вообще любил уличать многих людей в сумасшествии. Особенно он любил уличать в этом Чика.

Да, было дело. Но на этот раз Чик надеялся использовать краску более успешно. Поздно ночью он с ножом в руке выскользнул из дому. Двор был пуст. Возле каморки Алихана стояла скамеечка, сидя на которой тот обычно парил ноги в горячей воде. Чик взял эту скамеечку и, становясь на нее, срезал веревку Богатого Портного с обоих концов. Он смотал ее, отнес в сад и забросил в самом дальнем углу за кусты крапивы.

На следующий день, возвратясь из школы, Чик вошел во двор и увидел, что вся семья Богатого Портного столпилась возле того места, где раньше был прикреплен ближайший конец их веревки. Сам Богатый Портной натягивал новую. Все идет как надо, подумал Чик, но, приблизившись, разглядел, что Богатый Портной натягивает не новую веревку, а новый провод. Сейчас он плоскогубцами накручивал конец провода на гвоздь. Накрутив, покачнул тугой провод и сказал:

– До коммунизма хватит, да? А там будем посмотреть...

С новой веревкой Богатого Портного сорвалось, и Чик стал подумывать, не обойти ли ночью соседние дворы. И вдруг вспомнил! Когда у тетушки была корова, они ее пасли на длинной крепкой веревке. Потом корову снова угнали в деревню, а моток веревки бабушка держала под своей кроватью.

Ночью Чик тихо вытащил этот моток из-под кровати спящей бабушки, отнес его в сад и забросил за те же кусты крапивы. После этого он вытащил оттуда веревку Богатого Портного и навеки спустил ее в уборную! Будет знать, как проводом заменять бельевую веревку!

Дома Чик нашел в ящике с инструментами вполне подходящий для его замысла крюк и старый замок. Он принес их в сад. Крюк положил у подножия айвы, а замок подвесил к одному из ее сучков приблизительно на такой же высоте, на какой висел замок собаколова. Айва отстояла от забора, отделяющего сад от речушки, примерно метрах в двадцати. В промежутке между айвой, на которой висел замок, и забором, куда надо было закидывать петлю, Чик и собирался тренироваться.

После этого Чик поднялся наверх, взял корзину для собирания фруктов, незаметно вложил в нее ведро с краской и прошел в сад. Только он вынул из корзины ведро, как в сад пришел его сумасшедший дядюшка. Обычно сюда, в глубину сада, он никогда не заходил. Только поздней осенью заходил, когда поспевала дикая хурма, растущая тут. Но, оказывается, он приметил, что Чик стащил ведро с краской.

– Нельзя, нельзя, – сказал он строго, показывая на ведро, а потом на стены домов, между которыми был зажат сад, – милиция, милиция!

Чик долго ему объяснял, что не собирается красить стены домов, но дядюшка ему не верил, не-ожиданно для Чика проявляя общественную жилку и защищая стены чужих домов. И вдруг Чика осенило. Он схватил ведро с краской и подошел к забору, отделяющему сад от речушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.